

В. Ф. Одоевский. Необойдённый дом

Древнее сказание о калике переходной и о некоем старце

Ростов-на-Дону, Издательский Дом "Проф-Пресс", 2001
Серия "Для маленьких друзей. Сказки"
OCR Dauphin, 2004

Посв. В.А. Жуковскому

Давным-давно, в те годы, которых и деды не запомнят, на заре ранней, утренней шла путем-дорогою калика переходная [*]; спешила она в Заринский монастырь на богомолье, родителей помянуть, чудотворным иконам поклониться. Недолго был путь - всего-то верст десять, да старушка-то уж не та, что бывало в молодые лета; идёт-идёт да приостановится: то дух занимает, то колени подгибаются. Вот слышит она, в монастыре звонят уж к заутрене. "Ахти, - сказала она, - замешкалась я, окаянная; не успеть мне к заутрене, хоть бы Бог привёл часов-то не пропустить". Смотрит - а к лесу идёт тропинка прямо на монастырь. "Постой-ка, - подумала старушка, - дай Бог память; я, кажись, в молодые лета по той тропинке хаживала, ведь ею вдвое ближе, чем обходом идти". И старушка своротила в лес на хожалую тропинку. Так и обдало нашу калику смолистым запахом сосен, и силы её подкрепились.

[*] Калика переходная - так на Руси называли паломников, странников, ходивших на богомолье по монастырям.

Красное солнышко на восходе играет по прогалинам, птицы очнулись и кормят детёнышей, медвяная роса каплет с ветвей; старушка идёт да идёт; благовест ближе да ближе, а лес всё гуще да гуще. Идёт она час, идёт и другой, а всё не видать конца леса; вот и благовест перестал, и тени от деревьев сделались короче - а всё не может старушка выйти из леса; оглядывается: спереди тропинка, сзади тропинка, а кругом лишь темень лесная; ни жилья, ни былья, ни голоса человеческого; а у старушки уже ноги едва двигаются и в горле пересохло; жажда томит, в глазах темнеет; но всё идёт она, едва шаг за шагом переступает; вдруг пахнуло на неё живым дымом, а вот невдалеке и лес проредел; старушка перекрестилась, закусил стebelёк щавеля, и с того у калики словно силы прибавилось. Прошла с десятков шагов - перед нею поляна; посреди поляны дубовый дом с закрытыми ставнями, тесовые ворота на запоре - не видать ни души христианской; у ворот скамеечка; калика присела и пригорюнилась. Вот залаяла в подворотне цепная собака, калитка отворилась, и вышел малой лет пятнадцати, подстрижен в кружок, в красной рубаше, ремнём подпоясан; он искоса посмотрел на старуху, отряхнул волосы, подпёр боки руками и молвил:

- А кого тебе здесь надобно, старушонка?

- Ах, родимый; никого мне не надобно; шла я на богомолье в монастырь да заблудилась и из сил выбилась; не дай умереть без покаяния, дай водицы испить.

Молодой малый поглядел в раздумье на старуху, ещё раз встряхнул голову, вошел в калитку и чрез минуту возвратился; в одной руке нёс он ковш с ячным квасом, в другой - краюху свежего хлеба с бузою [*].

[*] Буза - здесь: соль.

Старушка кваску прихлебнула, хлебом закусил и стала как встрёпанная.

- Спасибо тебе, добрый человек, - сказала она, - душевную отвёл. Бог тебя наградит, что старуху призрел.

- Ты, однако же, не долго здесь калякай, - промолвил малой в красной рубаше. - Отдохнула и ступай своею дорогою; а то неравно хозяева наедут - несдобровать тебе, старушонка.

- Да кто же они такие, родимой?

- Да у нас здесь, бабушка, - отвечал малой улыбающийся, - весёлые люди живут; зелено вино пьют, в зернь [*] играют, красных девок